

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

В.Н. Усоский,

*доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой финансов и банковского дела
Белорусского государственного экономического университета*

Феодальная экономика России до проведения крестьянской реформы 1861 г.

В XIX в. население России динамично прирастало. Подавляющая часть населения была сосредоточена в европейской части страны. В 1811 г. здесь насчитывалось 42 538 млн чел., а в 1863 г. - 76 313 млн чел. [1. С. 17]. Ввиду аграрного характера экономики большая часть населения жила в сельской местности. При этом торговля и промышленность расширяли городское хозяйство. «За 1811-1863 гг. городское население в европейской части России увеличилось с 2765 тыс. до 6105 тыс. человек... Удельный вес горожан за 1811-1863 гг. повысился с 6,5 до 8%» [1. С. 17]. Однако в отличие от Западной Европы города в России не имели автономии буржуазного самоуправления и не были элементами капиталистической экономики. Они являлись военно-административными центрами империи. Включенные в систему военно-феодального порядка, российские города мало чем отличались от деревень. В сельскохозяйственной экономике России земля была основным фактором производства, принадлежащим дворянам и государству. Продуктивность использования земли определяла благосостояние сословий общества.

Первая открытая дискуссия о возможности отмены крепостного права произошла при Екатерине II. По инициативе императрицы в 1766 г. Вольное экономическое общество объявило конкурс на лучшую работу о возможности предоставления крестьянам права собственности на движимое и недвижимое имущество. В Уложенной комиссии (1767-1768 гг.) обсуждались проблемы, связанные с этим. С той поры около века образованные люди России спорили о

путях разрешения аграрной проблемы. В обществе наблюдалось принципиально разное понимание сущности земельного вопроса и способов его решения. В дискуссии ведущей стороной спора были дворяне, которым противостояла разночинная интеллигенция, выражавшая интересы крестьян. Позиция дворян определялась их мировоззренческими установками, а также тем, насколько интересы крупных земельных собственников могли интегрироваться в систему рыночных отношений.

Существенное влияние на степень эффективности использования дворянами ресурсов и их втянутость в рынок оказывали следующие факторы. Во-первых, размер феодальных поместий, количество работающих в них крепостных крестьян, плодородие земель. Во-вторых, помещичий тип хозяйства - оброчный или барщинный, из чего вытекала степень прикрепления крепостных крестьян к земле и самому помещику, степень их свободы в выборе места, характера работы и рабочего времени принудительного труда. В-третьих, степень развития промыслов и домашней промышленности на селе. В-четвертых, размеры дворянской собственности на промышленные, торговые предприятия и предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. По мере накопления сбережений феодалами важным для них становилось размещение части своих сбережений в финансовые активы (акции, государственные облигации, депозиты банков, акционерные общества). В-пятых, близость расположения хозяйств дворян к рынкам сбыта и транспортным артериям страны (моря, реки, дороги). В-шестых, производственная специализация помещичьих хозяйств, их производительность и ориентация на внутренний и экспортный рынки сбыта.

В XVII-XIX вв. Россия активно экспортировала сельскохозяйственную продукцию (зерно, лен, пеньку, мед, кожи), пушнину и древесину в Западную Европу в ответ на растущий спрос со стороны ее городского хозяйства. Выход России к незамерзающим портам Балтийского и Черного морей в XVIII в. усилил процесс интеграции российской экономики в европейское хозяйство. Россия включалась в него в качестве одного из неотъемлемых сырьевых элементов пояса аграрной периферии, который опоясывал динамично развивающиеся капиталистические экономики Западной Европы. Удовлетворение спроса растущих городов Западной Европы являлось фактором, толкавшим к закреплению крестьян в России в XVII-XVIII вв. Это стимулировало ориентацию барщинных хозяйств на экспорт особенно в XVIII-XIX вв. Быстро росла товарность барщинных хозяйств, где первостепенное место занимал экспорт хлеба. «В 1801-1806 гг. из России ежегодно вывозилось 19,9 млн пудов хлеба, в 1836-1845 гг. - 27-29 млн пудов, а в 1856-1860 гг. - свыше 69 млн пудов» [1. С. 19]. Серия буржуазных революций в 1789-1848 гг. наряду с промышленным переворотом в европейских странах стимулировала рост сельскохозяйственного российского экспорта, а также и импорта, состоявшего из предметов роскоши, машин, металлических изделий и разнообразного оборудования. «Среднегодовой вывоз товаров из России возрос с 59 млн в 1801-1810 гг. до 226 млн руб. в 1856-1860 гг., т. е. в 4 раза, а ввоз за эти же годы - с 42 млн до 206 млн руб., или же в 5 раз» [1. С. 19].

Структура экономики России имела преимущественно олигархическую конфигурацию, так как небольшое число родовитых дворянских фамилий контролировало большую часть экономических ресурсов империи. «В 1858 г. помещиков-крепостников обоого пола в 37 губерниях Европейской части России было 87 269 человек. Из них к очень богатым (владели более 1000 крепостных душ мужского пола) относилось 1032 (1,1% от общего числа), к двум категориям зажиточных дворян (от 501 до 1000 душ) - 1754 (2%) и (от 101 до 500 душ) - 15717 (18%). «Замыкали таблицу» две категории обедневших дворян: (от 21 до 100 душ) - 30 593 челове-

ка (35,1%) и владевшие менее 20 душами - 38 173 (43,8%)» [2. С. 235].

Петровские реформы укрепили статус сословия купцов и промышленников, создавших основанную на крепостном труде промышленность России, в формировании которой дворяне практически не участвовали. Закрепляя все социальные группы податных сословий империи, Петр I требовал, чтобы купцы и промышленники нанимали на работу свободных людей, предложение которых было незначительно. Поэтому он был вынужден «издать в 1721 г. указ, жалующий купцам право покупать деревни, чтобы обзавестись крепостными для своих промышленных и горнодобывающих предприятий. Указом 1736 г. «посессионные крепостные», как стали называть подьяремную рабочую силу в промышленности, вместе со своими семьями и потомством были «навечно» прикреплены к фабрикам и шахтам, на которых работали» [2. С. 278]. Однако дворяне были недовольны этим, что вынудило Петра III восстановить монополию дворян на использование труда крепостных крестьян. «29 марта 1762 г. Петр III отменил указ своего деда Петра Великого, предоставлявший купцам право покупки крепостных для использования в качестве рабочих. С тех пор они могли лишь нанимать работников за заработную плату. Теперь крепостными могли владеть одни дворяне» [2. С. 279]. В 1798 г. Павел I временно вернул купцам право на покупку крепостных, однако сын его Александр I отменил его навсегда [2. С. 279].

Восстановив свои исключительные привилегии на использование крепостного труда, дворяне, освобожденные от прямого налогового бремени, имели возможность на государственной службе получать имения и крепостных, жалуемые им царем. Тем самым они в полной мере использовали свой привилегированный социально-экономический статус в обществе. Дворянство, имея внеэкономические преимущества перед податными сословиями, сильно потеснило купцов и предпринимателей-промышленников из рыночной экономики. Например, в 1773 г., по данным мануфактур-коллегии, из 305 фабрик, производивших товары на 3548 млн руб., на 57 приходилось 1041 млн руб., т. е. около 1/3 оборота всех российских фабрик [3.

С. 30]. К началу XIX в. дворяне доминировали в ключевых промышленных отраслях российской экономики. «Собранные в 1813—1814 гг. статистические данные показывают, что, помимо спирто-водочных заводов, они владели 64% всех шахт, 78% суконных дворов, 60% бумагоделательных предприятий, 66% стекольных и хрустальных производств и 80% поташных производств» [2. С. 280]. Основными экономическими ресурсами промышленности и сельского хозяйства страны управляли именитые аристократические фамилии. С их интересами приходилось считаться всем российским императорам - Александру I, Николаю I и Александру II, которые желали отмены крепостного права. Страшные гвардейские дворянские перевороты XVIII в., насильственная смерть Петра III и Павла I оставили глубокий след в сознании русских царей. Поэтому, помимо объективных социально-экономических и политических предпосылок, отмену крепостного права в России предопределила интеграция дворянской аристократии в рыночную экономику.

Ключевыми вопросами реформы 1861 г. были следующие. Во-первых, помещики обсуждали, наделять или не наделять крестьян землей. Во-вторых, какими должны быть размер и структура земельного участка (пашня, выгоны, лес), который помещик передавал крестьянину. В-третьих, какова денежная цена надела земли и приусадебного участка. В-четвертых, какие факторы должны определить полную цену выкупа крестьян и должна ли туда включаться цена выкупа личной свободы крестьянина на волю. Мнения помещиков в этих вопросах разделились. Помещики, владевшие плодородными землями Черноземья и юга России, которые обеспечивали их собственникам высокий уровень земельной ренты, создали высокотоварные экспортные хозяйства. Помещики, находившиеся близко к рынкам сбыта и транспортным артериям страны, извлекали из этого выгоды, рационализируя свое хозяйство, продавая свою продукцию на внешний и внутренний рынки. Здесь, как правило, преобладал барщинный тип хозяйства, глубоко втянутый в денежную экономику. Крупные помещики имели промышленные предприятия, занимались переработкой сель-

скохозяйственного сырья в своих имениях, торговали, вкладывали деньги в финансовые активы иностранных и российских предприятий, были держателями акций компаний. Эти помещики преимущественно относились к консервативному лагерю, так как стремились освободить крестьян без земли, превратив бывших крепостных в наемных работников без земельных наделов. По оценке Р. Пайпса, барщинный тип хозяйства вели около 50 тыс. помещиков, которые владели 7-9 млн крепостных крестьян обоюбого пола, составлявших в 1858-1859 гг. от 12 до 15% населения России [2. С. 199].

В оброчном типе хозяйства крестьяне, отпущенные помещиками на оброк, самостоятельно хозяйствовали, свободно перемещаясь по стране. Многие работали в городах. «В 1852 г. из 337 тыс. жителей Москвы крестьяне составляли 195 тыс. (58%), в 1858 г. среди 494 тыс. жителей Петербурга крестьян насчитывалось 260 тыс. (52%)» [1. С. 17]. Оброчный тип феодальных взаимоотношений преобладал в губерниях с землями невысокого качества, где «накануне освобождения 67,7% помещичьих крестьян в семи центральных губерниях сидели на оброке» [2. С. 194]. Разделение помещичьих хозяйств на оброчный и барщинный типы позволил к 50-м годам XIX в. сформировать региональную специализацию производства: Черноземье России производило около 70% зерновых страны, а северный регион поставлял на рынок 3/4 промышленных товаров [4. С. 68-69]. Помещики, владевшие землями невысокого плодородия и получавшие с них невысокий размер земельной ренты, переводили своих крестьян на оброчную повинность. Эти помещики вели низкотоварное хозяйство и были готовы отпустить крестьян на волю с земельными наделами за выкуп, а свою собственную землю сдавать в аренду. «Оброчная» группа помещиков примыкала к либеральному лагерю. Сторонников сохранения крепостного права в архаичном состоянии было немного.

Революционные демократы отражали мировидение крепостных крестьян. Они отрицали сложившийся тип отношений феодальной собственности помещиков на землю и крестьян и считали приемлемым только силовой способ решения аграрной про-

блемы. По их мнению, только справедливый без всякого выкупа, уравнительный передел земли, поделенной по количеству едоков, может разрешить аграрную проблему. Революционеры не задавались вопросом о причинах низкой эффективности использования факторов производства в сельском хозяйстве России. На вопросы, почему крестьянин беднеет, что нужно сделать для того, чтобы он был сыт и зажиточен, они давали ответ: «Отобрать землю у помещиков и кулаков-мироедов и поделить ее поровну». В своей сущности система мышления революционных демократов была внеэкономической. Поэтому, игнорируя проблему экономической эффективности использования ограниченных факторов производства, они поднимали вопрос «чистой» социальной справедливости. Именно этот радикальный подход, даже не подразумевавший наличия экономической составляющей аграрной проблемы, лег в основу народнической, а затем эсеровской программ и был демагогически реализован большевиками в 1917-1920 гг.

История доказала, что «справедливый» передел земли по едокам между крестьянами не решает проблем эффективного использования ограниченных ресурсов. Великая Французская буржуазная революция, отдав крестьянам землю дворян и церкви, создала и законсервировала их мелкую (парцеллярную) земельную собственность. «Франция не превратилась в страну землевладельцев и сельскохозяйственных рабочих, или страну капиталистических фермеров, но стала страной большей частью разных типов аграрных собственников, явившихся главной опорой всех последующих режимов, которые не осмеливались забрать у них землю. И число владельцев крестьянской земли увеличилось более чем на 50% - с 4 до 6,5 млн» [5. С. 214—215]. Низкая товарность крестьянских хозяйств, которые не могли удовлетворить спрос городского хозяйства и промышленности на хлеб и рабочие руки, сдерживала во Франции промышленный переворот. По сравнению с английской системой промышленности, крупного землевладения лендлордов и фермеров-арендаторов, которые более эффективно использовали ресурсы, конкурентные возможности французского сельскохозяйственного и промышленного производства были не высо-

ки. Эрик Хобсбаум писал: «Классическое британское решение создало страну, где 4 тыс. собственников владели 4/7 всей обрабатываемой земли - я привожу цифры 1851 г., - четверть миллиона фермеров (3/4 площади земли находилось в хозяйствах от 50 до 500 акров), которые использовали труд около одного с четвертью миллиона наемных рабочих и слуг» [5. С. 209].

Возвращаясь к дискуссии о путях решения аграрного вопроса, отметим, что большая часть экономистов-либералов и консерваторов имела иные, нежели революционные демократы, взгляды. Это позволяло им ставить аграрный вопрос в экономическую плоскость. Либералы и консерваторы пытались определить механизмы роста эффективности сельскохозяйственного производства, однако они часто не находили баланса с принципами социальной справедливости крестьян.

Екатерина II в «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», подписанной в 1785 г., юридически закрепила за дворянами землю в частную феодальную собственность, ставшую для них полной и безусловной. До этого дворяне обладали правами условного владения и при невыполнении возложенных на них функций «чинов» служилого сословия в иерархии государственной службы могли быть лишены своих прав, собственности и свободы. Обычной практикой до 1785 г. было то, что русские цари отбирали в казну поместья у нерадивых дворян, лишая их дворянского звания, передавая землю и крепостных дворянам, проявлявшим рвение в государевой службе. Например, «с 1700 по 1750 год гораздо больше поместий было конфисковано, чем роздано: из 171 тысяч крестьянских «душ», которые достались дворянам в эти полвека, лишь 23,7 тысяч попали к ним из царских владений; остальные были приписаны к помещичьим землям, изъятым и переданным новым владельцам. Такого рода реквизиции были столь обычным делом, что в 1729 г. в Санкт-Петербурге была даже учреждена Канцелярия по конфискациям» [6. С. 245].

Помещики исходили из юридического факта обладания всей землей на правах феодальной собственности, на определенной части которой крестьяне, неся повинности в пользу помещика, пользовались наделами для

ведения своего хозяйства. Формально юридически крестьяне не имели прав собственности на надельную землю, так как они обрабатывали ее лишь до тех пор, пока работали на помещика на барщине или платили оброк. Крестьяне, передавая в семье надельную землю от отца к сыну, были пожизненно наследуемыми пользователями частной дворянской земли. Революционные демократы смотрели на аграрный вопрос с точки зрения фактического обладания землей, считая, что по праву справедливости, а не по формально юридическим или экономическим основаниям земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Также мыслили и крестьяне: вся земля (пахотная, земля для выпаса скота и лес) является крестьянской, так как они на ней трудятся веками.

Крестьяне считали царя наместником божьим на земле, который имеет право повелевать ими и должен заботиться о них. В данной системе мировоззренческих координат дворянам отводилась роль простых управляющих крестьянами по указанию царя. Это представление, кстати, фактически подтверждалось реформами Петра I, который, введя для дворян пожизненную службу на государство, сделал помещиков агентами государства по сбору подушной подати и набору рекрутов в армию. «С точки зрения крестьян, грамота («Жалованная грамота дворянству» от 1785 г. - В.Н.У.) лишала крепостное право всяких оснований, поскольку их предков для того и обращали в крепостную неволю, чтобы дать знатым людям возможность выполнять свой долг перед царем. Действительно, крестьяне понимали тягло не как ренту верховному собственнику земли, а как выпавший на их долю способ служения государству. Почему же они должны по-прежнему служить, если с их хозяев эта обязанность снята?» [б. С. 258]. Когда же 18 февраля 1762 г. Петр III издал манифест о дворянских вольностях, российские села наполнились слухами о том, что дворяне бросили императора в темницу за то, что тот подписал указ о передаче земли крестьянам, и тем самым утаили от народа царский указ. С 1762 г. крестьяне жили в ожидании великого «черного передела» и свято верили в то, что царь даст им землю, которую они обрабатывали. Отмена же крепостного права превратила наивную веру крестьян в

их твердое убеждение. В душе русского крестьянина странным образом для мышления современного человека XXI в. и дореволюционного российского либерала совмещались две установки, которые, казалось бы, были не совместимы в рациональном сознании просвещенного человека. С одной стороны, крестьяне являлись политическими консерваторами, так как были убежденными монархистами, а с другой стороны, им был внутренне присущ социально-экономический революционный радикализм - лелеяли вечную мечту о захвате частных земель помещиков и кулаков-мироедов для передачи их крестьянскому миру (общинам) [б. С. 266].

Крестьяне были убеждены в том, что вся земля божья, т. е. в их представлении общая, поэтому должна быть разделена по божьей справедливости - по количеству едоков в крестьянских семьях. Обрабатывая землю столетиями, они считали себя ее реальными владельцами, верили в то, что всем миром уже владеют землей и это состояние нуждается в закреплении. По этой причине крестьянам была внутренне близка сначала народническая, а затем эсеровская и большевистская пропаганда о переделе движимого и недвижимого имущества в интересах крестьян и рабочих, а не позиция либералов и буржуазных демократов - сторонников частной собственности на землю. Лев Толстой, глубоко понимая это, писал в своей записной книжке в 1865 г.: «Русская революция ... не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности» [2. С. 205]. Мировоззренческие убеждения крестьян нуждались в «твердой руке», которая дала бы им вождевленную землю и волю от угнетения помещиков. Поэтому появление в условиях стремительного распада российской государственности в 1917 г. инородческих и русских нигилистов-большевиков с их ясными и четкими лозунгами о решении земельного вопроса мгновенно оттолкнуло крестьян от природных русских бар. Нежелание помещиков поступаться своими классовыми интересами имело катастрофические последствия для имущего землевладельческого класса России.

«Верхи» императорской России понимали сущность мировоззрения крестьянской массы о земле. Поэтому в целях формирова-

ния у крестьян зачатков частнособственнических представлений царское правительство создало в 1882 г. Крестьянский банк. Министр финансов России Н.Х. Бунге писал в 1894 г. по этому поводу: «Учреждение Крестьянского банка имело в виду, главным образом, две цели: во 1-х, практическое противодействие убеждению крестьян, что они имеют право на наделы, и поселить в них убеждение, что всякое расширение их землевладения может быть только результатом свободной сделки с землевладельцами о покупке земли; во 2-х, способствовать распространению частной поземельной собственности между крестьянами» [7. С. 252].

Консервативные и либеральные экономисты предлагали решать аграрную проблему эволюционным путем с помощью реформ. А революционные демократы считали, что земельный вопрос можно разрешить по справедливости только революционным способом. Два лагеря антагонистически противостояли друг другу, и примирение между ними оказалось невозможным. Законы и право, защищавшие юридические права помещиков, были диаметрально противоположны нравственной оценке крестьян, отрицавших законы Российской империи и сложившееся поземельное состояние. В обществе тлеет неугасимый гражданский конфликт, который как гордиев узел не развязывается руками, а разрубается только с помощью меча. Пока власть была сильна и демонстрировала силу, частная собственность помещиков на землю оставалась незыблемой. А стоило государству проявить внутреннюю слабость, и крестьяне предприняли две попытки самочинного и радикального «черного передела» земли. Однако если в 1905-1907 гг. стихийный крестьянский штурм не удался, то в 1917 г. повторная атака оказалась успешной. В результате стихии антикапиталистической революции крестьян канул в небытие уникальный мир православной Российской империи.

Причины проведения крестьянской реформы 1861 г.

Часто специалисты, исследующие причины проведения реформы 1861 г., сводят их к социально-политическим причинам: крепостное право к середине XIX в. себя уже исчерпало из-за своей неэффективности.

Кроме того, существует точка зрения, согласно которой «накануне своей отмены крепостничество достигло высшей точки экономической эффективности» [2. С. 215]. Это продемонстрировал в новаторских исторических исследованиях в 1898 г. П.Б. Струве, что было подтверждено историками экономики. Мы придерживаемся иной точки зрения: в неэффективности функционирования финансово-бюджетной, денежно-кредитной систем, обслуживавших системы производства и сбыта крепостного хозяйства России в 50-60-х годах XIX в., как в фокусе, отражалась сущность кризиса системы принудительного труда. Банкротство экономической политики государства было следствием неэффективности отношений, связывавших финансово-бюджетную, денежно-кредитную системы с системой производства и сбыта крепостнического уклада, доминировавшего в экономике. Мы считаем принципиально неверным утверждение Р. Пайпса: «Нет никаких свидетельств того, что в своем решении отменить крепостное право правительство руководствовалось экономическими соображениями» [2. С. 215]. Кризис в российском обществе носил системный характер. Вместе с экономическим кризисом взрывоопасная ситуация сложилась в социально-политической и духовной сферах.

Необходимость разрешения накопившихся противоречий в экономической, социально-политической и духовной сферах общества наряду с готовностью царствующей династии и аристократической элиты к радикальным переменам привели к отмене крепостного права. К проведению серии буржуазных реформ 60-80-х годов XIX в. российская элита, контролировавшая военную и гражданскую сферы страны и принимавшая ключевые политические решения, созрела. Лишь когда кризис экономической и социально-политической систем общества привел к катастрофическому нарастанию угрозы национальной безопасности, только тогда началась серия буржуазных реформ по отмене крепостного права, проводимых феодалами-крепостниками. Однако последнее обстоятельство оказалось тем роковым противоречием, которое наложило печать на весь период дореволюционного развития России (1861-1917 гг.) вплоть до потери власти до-

мом Романовых в феврале 1917 г. и торжества большевизма в октябре 1917 г.

Геополитические и экономические последствия имела для России Крымская война 1853-1856 гг. На поверку никуда не годными оказались не только вооруженная* гладкоствольными ружьями сухопутная армия и парусный военно-морской флот России. Неэффективно функционировали построенные на примитивных для середины XIX в. принципах феодальной экономики финансово-бюджетная и банковская системы страны.

Система казенных банков феодальной России

Все первые банки в России были феодально-сословными. В 1754 г. созданы дворянские заемные банки в Санкт-Петербурге и Москве, а также купеческий заемный банк в Санкт-Петербурге. Деятельность их не была успешной. В 1782 г. закрыт купеческий заемный банк, а в 1786 г. - дворянские заемные банки. Для краткосрочного кредитования в 1772 г. в ведомстве опекунов были учреждены ссудные и сохранные кассы, а в 1775 г. в губернских городах созданы приказы общественного призрения. Для долгосрочного кредитования помещиков в 1786 г. учрежден государственный заемный банк.

До появления банков денежные ссуды выделялись из госбюджета с разрешения сената такими правительственными органами, как Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия, Коммерц-коллегия. Банки организовывались казначейством, которое наделяло их капиталом, выделяя целевые бюджетные ссуды. Большую часть ссуд получали дворяне. До 1861 г. в России нельзя было учреждать частные банки. Только в 1861 г. частные собственники создали Санкт-Петербургское городское кредитное общество. Создавая кредитные учреждения для дворян, правительство обосновывало их необходимость следующими обстоятельствами.

Во-первых, экспансией ростовщического капитала с его очень высоким уровнем процента, который делал частный денежный рынок неупорядоченным. Вскоре правительство начало создавать экономические и законодательные условия для понижения нормы процента. В 1754 г. был издан манифест

об «указных процентах» для регулирования их максимально возможного уровня. Выход на рынок казенных банков упорядочивал процесс предоставления ссуд, делал его легальным и юридически стабильным для дворян, ростовщический капитал был потеснен.

Во-вторых, желанием облегчить тяжесть долгов дворян перед ростовщиками, «развязать» накопившиеся долги.

В-третьих, стремлением через казенные банки создать предложение более дешевых кредитов для улучшения положения дворянских хозяйств.

Министр финансов России М.Х. Рейтерн в 1866 г. сделал вывод о том, что для экономики система казенных банков «представляла большую опасность: она была основана на предположении, что ежегодный приток вкладов будет всегда превышать востребование оных; другими словами, на предположении, что никогда не будут допущены частные акционерные предприятия, внутренние правительственные займы и даже развитие частного кредита, при существовании которых нельзя было уже ожидать такого притока вкладов в кредитные установления и за такие умеренные проценты; удерживать же вклады посредством возвышения процента кредитные установления не могли, ибо не имели права возвышать процент, платимый заемщиками, и, следовательно, не из чего было им платить высший за вклады процент» [7. С. 119].

Казенные банки создавались как неотъемлемый элемент феодальной экономики для поддержания внеэкономического статуса дворянства в иерархии общественных отношений. Их привилегии в кредитно-денежной сфере состояли в субсидиарном кредитовании и льготном обслуживании взятых ими кредитов. Аристократы, придворная знать, царские фавориты, крупные промышленники имели первенство при получении льготных, часто безвозвратных кредитов «по высочайшим повелениям». Льготный порядок предоставления и погашения ссуд вел к неэффективному их использованию, что способствовало углублению кризиса дворянской экономики. Правительство использовало казенные банки также и для своих нужд. Не желая размещать внутренние займы на рыночной основе, оно для финансирования

чрезвычайных расходов покрывало дефицит госбюджета вкладами, принудительно изымаемыми из казенных банков. Министр финансов Е.Ф. Канкрин (1823-1844 г.) придерживался архаичной точки зрения относительно процесса экономического развития страны. Он был против сооружения железных дорог, возражал против промышленного развития, считая, что его стимулирование путем выдачи банковских ссуд «едва ли не ведет к большим потерям, когда капитал познаний в народе не получил еще соразмерного расширения» [8. С. 366]. «Частные банки (не банкиры), - говорил Канкрин, - выпускающие кредитные бумаги, не должны быть терпимы правительством подобно шарлатанам, универсальным врачебным средствам и прочим художествам, спекулирующим на легкомыслии публики ... По нашему крайнему убеждению, вовсе не должно бы позволять учреждения частных банков, так как их заменить можно было бы учреждением более прочным, были бы то правительственные банки или же банки официальные, состоящие не только под контролем правительства, но и под его руководством. В противном же случае страна, при возрастающем критическом положении в Европе, постоянно стоять будет на вулкане катастроф» (цит. по [9. С. 163]).

В России не могли возникнуть частные банки, обслуживающие капиталистический рынок. Казенные банки выдавали подавляющую часть кредитов помещикам под так называемые населенные имения, а фактически - под крепостные души. Для банков залогом под кредиты помещикам формально служила земля населенных имений, но реально банковской практики продажи земли несостоятельных должников на ипотечном рынке не существовало. Ипотечный рынок был слабо развит, банки не могли продать заложенную землю неэффективно хозяйствующих помещиков, так как при ее продаже недворянским сословиям требовалось отделять землю от «приросших» к ней крепостных крестьян. Плохо хозяйствующие помещики не могли быть признаны банкротами по решению суда. Правовой инфраструктуры, обслуживавшей процессы перераспределения капиталов и земли, не существовало. Для казенных банков рыночная оценка зем-

ли и ее доходность не служили основанием для выдачи кредита помещикам, здесь не действовали коммерческие правила и уставы. Согласно сословному принципу, кредитовались в основном помещики и правительство. Правительство проводило политику, согласно которой «залог имений не должен привести к ограничению владельческих прав крепостников. Характерным в этом отношении был закон 1837 г., который подтверждал право помещиков отдавать в рекруты людей «дурного поведения» из имений, заложенных в банке и сохранных казнах. Крестьян заложенных поместий допускалось переводить в разряд обязанных только с разрешения кредитных органов» [9. С. 208].

Сложившийся порядок кредитования делил субъектов экономики России на две неравноправные группы. Привилегированную группу составляли помещики, не несущие экономической ответственности за результаты своей деятельности. В непривилегированную группу входили купцы, промышленники, мещане, свободные крестьяне - экономически ответственные субъекты рынка, которые с большим трудом могли стать на кредитное обслуживание в казенные банки, что ограничивало их возможности. Начиная с закона Александра I о вольных хлебопашцах (1803 г.) и мероприятий Николая I, направленных на ограничение крепостного права, в России начало складываться сословие вольных крестьян. «В результате к 1858 году в России было уже 268 тыс. крестьян-землевладельцев, имевших в собственности 1,1 млн гектаров земли» [6. С. 263]. Однако доля кредитов, выдаваемых казенными банками купцам-торговцам, 1 фелдпринимателям-промышленникам и свободным крестьянам, была очень невелика. Директор Кредитной канцелярии Министерства финансов Ю.А. Гагемейстер писал: «...количество вкладов постоянно возрастает, ибо при совершенном недостатке частного кредита, при малом развитии промышленности и беспечности, в особенности русского дворянства, капиталисты находят более удобным вверять деньги банку и довольствоваться малыми процентами, чем пускаться в неверные предприятия» [7. С. 24]. Непривилегированные податные сословия, работая на принципах рыночной экономики, несли экономическую ответственность за ре-

зультаты своей деятельности, медленно формируя в недрах феодализма островки свободной рыночной экономики.

Система казенных банков при феодализме и коммерческие банки капиталистического рынка

Крепостные крестьяне не могли брать кредиты в банках, так как право феодальной России не признавало их правоспособными субъектами. Они являлись движимым имуществом дворян. Для помещика, берущего кредит в банке, более важным являлось количество его крестьян, чем размер площади земли и величина земельной ренты. Дворяне закладывали крепостных в банках, так как казенные банки выдавали кредиты помещикам только под крепостные души, а не под стоимость земли и доход с нее, как это было принято в практике коммерческого кредитования в рыночной экономике. Только в тех регионах России, где крепостного права не было, например в Закавказье, банками устанавливался особый порядок кредитования «населенных государственными поселянами владельческих имений ханов, султанов, бекков, агаларов и медиков. Их поместья оценивались не по душам, а по размеру постоянных доходов, получаемых владельцами, поскольку поселяне там не считались крепостными» [9. С. 194].

Для системы коммерческих банков необходимо было наличие капиталистических факторов производства - земли, наемного труда, капитала и предпринимательства. Соответственно землевладелец, наемный рабочий, капиталист и предприниматель являлись субъектами частного права и были свободны в принятии решений на рынке. При феодализме действовал жесткий сословный принцип неотделимости личности крепостного крестьянина от земли феодала, к которой крепостная душа принудительно прикреплялась государством. Земля феодала и личность крестьянина выступали феодальными факторами производства и были диаметрально противоположны капиталистическим факторам производства - товарам «рабочая сила» и «земля».

Банки при капитализме кредитуют под вероятный доход товарного хозяйства от будущей сделки при продаже товаров на риско-

вом и непредсказуемом рынке. Формально заложенными при феодальном строе России в банках были «населенные имения», т. е. «слитые» во внеэкономическом отношении неавтономные феодальные факторы производства - земля и крестьяне, которые не являлись товаром и функционировали только во внеэкономической «сцепке». Александр I запретил продавать крестьян отдельно без земли - как рабов. Земля феодала без крепостных крестьян являлась бездеятельным фактором производства, только вместе с крепостными она составляла основу их сословного статуса. Министр внутренних дел П.А. Валуев, указывая на оіраі-шченность казенных банков, предлагал создать ипотечные банки и обслуживающую их правовую инфраструктуру. Он писал: «...поземельного кредита в настоящее время не существует. С 1859 г. прекратились ссуды из прежних кредитных установлений, новых не учреждено, частный кредит без ипотечной системы и удобных форм гражданского судопроизводства бессилён. Необходимо создать одно или несколько учреждений, которые могли бы удовлетворять настоящей, всеми признанной и повсеместно ощущаемой потребности в ссудах под залог земель» [7. С. 95].

Финансово-бюджетная система феодальной экономики России

Основой доходов госбюджета России была подушная подать, введенная Петром I в 1717 г. Ее платили лица мужского пола податных сословий, к которым относились крепостные крестьяне и посадские люди (купцы и мещане), вне зависимости от своего возраста. Величина подушной подати ежегодно определялась путем деления необходимой государству денежной суммы, исчисленной Министерством финансов, на число плательщиков подушной подати. Неподатные сословия (духовенство и дворяне) подушную подать не платили. Богатые люди России концентрировались в неподатных сословиях. Феодальные отношения являются внеэкономическими, так как в сословном обществе они жестко противопоставляют людей по социально-экономическому статусу и исполняемым функциям. Общество делилось на податные сословия, несшие экономические тяготы, и на неподатные сословия, вклю-

чавшие дворян, служивших самодержцу в сферах военного и государственного управления, и духовенство.

Фундаментальные принципы, положенные в основу феодальной экономики, не могли создать хозяйства, эффективно использующего ограниченные ресурсы. В результате возник экономический абсурд, который заключался в том, что богатые вообще не платили прямых налогов. Госбюджет содержался преимущественно за счет бедного населения страны. Был выработан генокод примитивной экономики, когда бедные становятся еще беднее. В первой половине XVIII в., вплоть до отмены подушной подати в Европейской России в 1885 г. (в Сибири она была отменена только в 1898 г.), она являлась первой по значимости доходной статьёй госбюджета страны. Во второй половине XVIII в. подушная подать стала второй по размеру доходной статьёй бюджета, первую позицию заняли косвенные налоги. Например, в 1724 г. прямые налоги (подушные и ясак) составляли 55,5% доходов бюджета, а косвенные - 24,9% [10. С. 187]. В 1762 г. косвенные налоги давали в бюджет 61,6% доходов, а прямые - только 38,4% [10. С. 188].

В госбюджете середины XIX в. первыми по величине и значимости являлись косвенные налоги, к которым относились, например, акциз на свекловичный сахар, табачный сбор, соляной сбор и др. Основную долю доходов в госбюджет давал питейный налог. Например, в 1857 г. в государственный бюджет России было собрано доходов на 237 млн руб., где подушная подать составляла 50 млн руб. (21%), а питейный налог - 73 млн руб. (31%). В 1864 г. при собранных доходах госбюджета в 322 млн руб. подушная подать составляла 60 млн руб. (11%), а питейный налог - 121 млн руб. (37,5%) [11. С. 28].

Имперское бремя России требовало постоянно растущего чрезвычайного финансирования расходов, для покрытия которых доходов бюджета было недостаточно. В 1832-1841 гг. дефицит составлял 5,5% к доходам бюджета, в 1842-1851 гг. - 18%, в 1852-1861 гг. - 33,7% [9. С. 106]. Для финансирования чрезвычайных расходов государство использовало повышение ставок налогов, эмиссию необеспеченных драгоценными ме-

таллами кредитных денег, внутренние и внешние займы. При этом внешние займы размещались на европейских рынках, а внутренние государство осуществляло принудительным путем, изымая деньги из казенных банков. «За счет этого источника оно покрыло на одну треть бюджетные дефициты, образовавшиеся в 1852-1856 гг. (228 млн руб. при дефиците в 631 млн руб.)» [9. С. 276].

Государственный долг накапливался в течение более чем ста лет, чему способствовали многочисленные войны, которые вела империя. Структура расходной части госбюджета была традиционно задана. Так, при Петре I на содержание армии и флота шло около 2/3 бюджетных расходов. Любопытна структура расходов бюджета 1762 г., где на финансирование армии и флота выделялось 73,7% от совокупных расходов, на содержание двора - 14,1% и на расходные статьи государственного управления - 12,2% [10. С. 188]. Государственный долг к концу царствования Екатерины II достиг 215 млн руб. [10. С. 188], к концу царствования Александра I (1823 г.) - 1345 млн руб. [10. С. 189]. Накануне отставки в 1844 г. министра финансов Е.Ф. Канкрин «государственный долг равнялся: консолидированный - 862 млн руб. (возрос с 1723 г. на 703,5 млн руб.), позаимствования у банков и комиссии погашения долгов - 489,5 млн руб. (увеличились на 411,5 млн руб.), серии (краткосрочные билеты государственного казначейства. - *В.Н.У*) - 102 млн руб., ассигнации - 595,8 млн руб., всего 2049,5 млн руб. ассигнациями» [10. С. 190]. В 1839-1843 гг. Е.Ф. Канкрин провел денежную реформу, в результате которой восстановлена серебряная обеспеченность рубля. Была осуществлена девальвация ассигнаций на 1/4 часть от их первоначальной ценности, ассигнации заменили кредитными билетами, разменными на серебро. «Вексельный курс, несмотря на не существование размена, с некоторыми лишь колебаниями остановился на 28 1/2 коп. серебра за рубль ассигнациями. Этот курс и был принят за основание переложения ассигнаций на серебро» [7. С. 125].

Крымская война привела к значительному росту текущего дефицита госбюджета и накоплению госдолга. Дефицит госбюджета и значительный госдолг - это реаль-

ность большинства европейских стран. Например, «в 1817 г. госдолг Англии возрос до 840 млн фунтов стерлингов ... Один этот долг, распределенный на 120 лет, составит ежегодный военный расход в 7 млн, тогда как ежегодный расход на управление в течение большей части XVIII столетия не превышал 7 млн» [12. С. 31]. Однако за счет роста капиталистической экономики и эксплуатации обширных колоний Англия эффективно решала проблему госдолга. В России же неэффективная крепостническая экономика поглощала значительные банковские сбережения, замораживая их в безвозвратных ссудах помещикам, расходах государства на войну. *Феодальная экономика России выработала механизм, нарушающий равновесие между ежегодным приращением сбережений и ежегодным спросом на свободные капиталы со стороны частных лиц и правительства.*

Министр финансов России М.Х. Рейтерн в секретной записке Александру II от 16 сентября 1866 г. точно определил генотип развития России: «В течение многих лет как правительство, так и высшие классы жили сверх средств: расходовали больше своего дохода. Целый почти век сбережения народа стягивались в руки правительства или принадлежащих ему кредитных учреждений. Из сих последних они переходили, в виде ссуд, частью помещикам, частью к правительству и самая незначительная только часть, менее 30 млн из миллиарда, обращалась в торговле и промышленности. Между 1831 и 1865 годами правительство израсходовало, сверх своего дохода, почти 1600 млн; в то же время помещикам было роздано в ссуду не менее 400 млн, не считая сумм, которые они позаимствовали у частных лиц и которые определить невозможно. Много ли из этих двух миллиардов рублей серебром употреблено производительно? Конечно, только малейшая часть, все остальное пропало бесследно для народного богатства. Если бы только половина этой суммы была употреблена производительно, то Россия была бы покрыта сетью железных дорог, имела бы сильную промышленность, деятельную торговлю, богатое народонаселение и цветущие финансы. Капитал, употребленный непроизводительно, уничтожается; капитал, употреб-

ленный производительно, даже при умеренных прибылях, в короткое время удваивается» [7. С. 121-122].

Одной из причин неэффективности экономики являлось то, что «госбюджет России давно был хронически дефицитным. С 1832 по 1852 г. дефицит составил 1376 млн руб., а за вычетом трех лет войны (1854—1856) - 726 млн руб., или в среднем 27 млн руб. в год» [11. С. 27]. Для финансирования дефицита госбюджета правительство изыло из казенных банков вклады, подорвав их финансовое состояние, так как значительная часть кредитов помещикам была убыточной и неликвидной. Дефицит бюджета правительство начало покрывать за счет наращивания внешних долгов. «В результате Крымской войны внешний госдолг возрос до 430 млн руб., задолженность дореформенным банкам - до 525 млн руб., внутренний выпуск билетов казначейства - до 108 млн руб., и за счет огромной эмиссии бумажных денег было полностью расстроено денежное обращение. Ликвидация дореформенных банков потребовала возврата вкладов либо превращения их в долгосрочный госдолг путем консолидации. Это вместе с начинающимся выпуском гарантированных правительством железнодорожных бумаг привело в конце 1861 г. к тому, что внешний госдолг (включая гарантированные бумаги) достиг округленно около 1 млрд руб.» [И. С. 27-28].

При таком стремительном росте расходов попытки правительства повышать налоговые ставки и ужесточить санкции при сборе налогов с неплательщиков не давали эффекта. В 1866 г. министр финансов М.Х. Рейтерн в записке Александру II писал: «Опыт доказал, что при крепостном состоянии рассчитывать на обогащение финансов невозможно, потому что улучшение это должно быть последствием экономического развития, а сие последнее не совместимо с крепостным положением народа. Все доходы, за исключением одного откупного, не только не повышались, но некоторые даже уменьшались; увеличение прямых податей ... имело последствием не возвышение доходов, а возрастание недоимок» (цит. по [П. С. 31]).

Экономика, банки и финансы страны стояли на грани финансовой катастрофы. Крымская война и морская блокада русских

портов англо-франко-итало-турецкими эскадрами привела к падению российского экспорта и импорта и ухудшению платежного баланса, понижению вексельного курса рубля, росту внутренних цен и оттоку капитала за границу. Министр финансов А.М. Княжевич в секретной записке Александру II от 26 ноября 1860 г. писал, что в 1859 г. из-за дефицита торгового баланса Россия была вынуждена вывозить 50,6 млн руб. золотом и серебром. Добыча драгоценных металлов в Сибири и на Урале позволяла профинансировать импорт капитала только на 23 млн руб. Таким образом, дефицит для проведения иностранных платежей составлял 27,6 млн руб. Разменный фонд, с помощью которого правительство поддерживало вексельный курс, уменьшился со 161 млн руб. (на 1 января 1855 г.) до 84 млн руб., внешний долг вырос на 162 млн руб., кредитная эмиссия увеличилась на 487 млн руб., а цены на товары поднялись на 25% [7. С. 75]. В этих условиях только радикальная реформа экономики могла спасти страну.

Долги дворян и необходимость реформы экономики

К 1861 г. долги дворян перед казенными банками значительно выросли - «опубликованная к этому времени цифра задолженности дворян составляла 425 млн руб. (в закладе было 7,1 млн душ)» [9. С. 264]. Все же по предшествующей ревизии насчитывалось 10,9 млн мужских душ помещичьих крестьян [13. С. 485]. Активы дворян (в первую очередь земля) были обременены долгами, которые ввиду глубочайшего финансового кризиса государства невозможно было покрыть за счет его средств. Используя сложившееся социально-политическое соотношение сил, государство «перевалило» большую часть кредитных долгов помещиков перед казенными банками на крестьян. «Поскольку большинство крепостных крестьян было заложено в кредитных учреждениях, естественно, что любой вариант ликвидации крепостного права неизбежно включал проблему дворянской задолженности» [9. С. 258]. При сложившемся дисбалансе социально-политических сил дворянское правительство «заложило» неразрешимое противоречие под «днище» крестьянской реформы.

Земля формально юридически принадлежала дворянам, которые имели долги перед казенными банками. Государство, создав большой государственный долг, и дворяне, неэффективно использовавшие кредиты, должны были погасить накопившиеся долги. По закону должниками банков являлись лишь свободные от личной зависимости люди, т. е. дворяне, а не крепостные крестьяне. Только дворяне были правоспособны, представляли юридическую сторону денежно-кредитных отношений и отношений собственности на землю и потому по закону являлись субъектом долговых отношений. Ссуды в казенных банках брали помещики, однако бремя оплаты своих кредитных долгов они перенесли на крестьян. Интересно, что Уложение 1649 г., формально юридически закрепившее действие крепостного права в России, «признает крестьян живым движимым имуществом, делая их лично ответственными за долги разорившихся помещиков» [2. С. 141]. Петр I отменил юридическую норму личной ответственности крестьян за долги помещиков. Тем не менее в выкупной операции фактически была использована юридическая норма Уложения 1649 г. Источник оплаты долгов заключался в росте эффективности экономики России, перестраиваемой на рыночных капиталистических принципах. Однако «перевалка» помещичьей бесхозяйственности на крестьян и включение ее в цену выкупа крестьян с землей на свободу резко ухудшило условия их хозяйствования, сильно подорвав стимулы к труду и капиталобразованию. Усиливалось озлобление крестьянского сословия, за счет которого решались чуждые ему проблемы.

Система внеэкономических отношений, нацеленная на перераспределение, а не наращивание доходов податными сословиями России, закономерно привела к тому, что помещики оказались должны казенным банкам, казенные банки - вкладчикам, государство - казенным банкам, а также иностранным кредиторам. В течение более чем ста лет государство с помощью изымаемых у казенных банков денег, иностранных кредитов и «пустой» денежной эмиссии финансировало деятельность неэффективной крепостнической экономики и многочисленные войны. Нормальное функционирование де-

нежно-кредитной и финансово-бюджетной систем было затруднено, так как оставалась неразрешенной проблема накопившихся взаимных долгов между субъектами. Феодалный строй зашел в тупик. Объективно требовалась приостановка выплаты долгов государством, их реструктуризация и консолидация в форме выпуска долгосрочных государственных облигаций, что создало предпосылки для формирования нового типа воспроизводства факторов производства и роста эффективности экономики.

«Плохие» активы казенных банков следовало превратить в ликвидные ресурсы, продавая долги заемщиков на рынке с дисконтом, а изъятые пассивы банков восполнить, заимствуя деньги на рынке. Государству необходимо было создать условия для «запуска» долгового рынка, на котором происходит покупка за деньги по рыночным ценам заложенной в банках земли и недвижимости, обремененной долгами, рыночные механизмы их продажи новым инвесторам, а также стать гарантом реализации долговых рыночных отношений, проводя эмиссии долговых ценных бумаг. Рыночные цены, балансирующие спрос и предложение, должны были еще появиться в процессе формирования массового предложения и спроса на землю как основной покупаемый и продаваемый товарный ресурс экономики.

Для финансирования проведения реформы существовало только два источника восполнения ресурсов. Во-первых, внутренние и внешние займы, которые активно использовались правительством. Например, «в течение 1862, 1863, 1864, 1865 гг. правительством сделаны следующие займы: заграничный 7-й и англо-голландский 5% займы, 16 серий билетов Государственного казначейства, 3 серии 4% металлических билетов и на 10 000 000 5% банковских билетов (на поддержание касс банка). Все эти операции вместе дали 358 353 518 руб.» [7. С. 123]. Однако размеры привлечения из указанных источников были ограничены. Во-вторых, рост эффективности

народного хозяйства, перестраиваемого на капиталистических началах, что выражается в том, что субъекты экономики исправно платят налоги и возвращают банкам взятые у них кредиты. Только рост эффективности экономики позволял возвращать внутренние и внешние займы кредиторам и поддерживать высокий кредитный рейтинг страны на внешних финансовых рынках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *История СССР (XIX–XX вв.): Учебник* / Под ред. И.А. Федосова. М.: Высшая школа, 1981.
2. *Пайнс Ричард*. Россия при старом режиме. М.: «Независимая газета», 1993.
3. *Тугай-Барановский М.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. Перепечатано с 3-го изд. М.: Московский рабочий, 1922.
4. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.
5. *Хобсбаум Эрик*. Век революции. Европа 1789–1848. Соч. в 3 т. Т. 1 / Пер. с англ. Л.Д. Якуниной. Научн. ред. и предисл. А.А. Егорова. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
6. *Пайнс Ричард*. Собственность и свобода. М.: МШПИ, 2000.
7. *Судьбы России*. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб.: Лики России, 1999.
8. *Архив Государственного Совета*. Т. IV. Часть 1.
9. *Боровой С.Я.* Кредит и банки (середина XVII в. – 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958.
10. *Россия: Энциклопед. словарь*. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Эфрон (Санкт-Петербург). Л.: Лениздат, 1991.
11. *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 гг.) / Отв. ред. проф. А.Л. Сидорова. М.: Госфиниздат, 1960.
12. *Силы Дж.Р., Крэмб Дж.А.* Британская империя. М: Эксмо, 2004.
13. *Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М.: Наука, 1997.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.
 □□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.